

Смотритель при храме – должность, в общем-то, женская. Дел и делишек всяких – уйма! Надо подсвечники после службы протереть, воду для крещенской купели нагреть и принести, за порядком в храме следить. Хоть за чистотой, хоть за лихими людишками, норовящими что-нибудь спереть.

Времена менялись...

Храм наш стоял возле городского рынка и, бывало, подвергался набегам разных чудаков. Один прямо на середине вытряхнул полный ящик румяных яблок, видать, для пущей своей торговли. Другой чудачина бутылки с пивом по деревянному полу с грохотом кататься запустил, не иначе от алкоголизма надеясь отшатнуться. Третий произносящего на солее ектению диакона по плечу хлопнул и пьяно поинтересовался: «А в ухо хошь?!» Но диакон был не робкого десятка и с достоинством отвечивал: «Отдачей не замучаешься?»

Бузотера незамедлительно и ловко «упаковал» наш новый смотритель Ваня, вытащил проветриться на улицу...

Ваня, крепкий мужичок за пятьдесят, прибил к храму на радость прочим бабушкам-смотрительницам, поселился бобылем в сторожке. Обходительный и вежливый с коллегами, он не чурался всякой работенки – только седая его голова то тут, то там в храме мелькала. Лихоимцам с улицы надежный заслон был поставлен. Одного даже Ваня поймал с поличным – вывернул из-под полы сворованную икону. Огрел «экспро-

приатора» несильно по загривку и вытолкнул восвояси.

Допытывались у Вани – чей он да откуда? Только молчал упорно в ответ смотритель, лишь хмыкал в лохматые свои усы.

– Вот смиренный какой человек... – шамкали старушонки.

Тайна разрешилась в День Победы.

Ваня пришел на службу в парадной офицерской форме с орденами и медалями на груди. Прихожане взирали на сие «явление» с раскрытыми ртами, кто-то из старушонок робко поинтересовался:

– Где ты, Ваня, успел повоевать? Вроде еще и не старый...

Ваня, как всегда, немногословен:

– В Афгане. Дворец Амина брал.

После праздника Ваня вдруг пропал, никто из наших прихожан не повстречал его больше. Уехал, видно, куда-то. Туда, где его не знают.

ЖЕРТВА

Отец Василий из протоиереев прежних, жизнью вдоволь «тертых», в советскую пору уполномоченными по делам религий вдосталь «обласканный», насмешек от атеистов разных мастей в свое время натерпевшийся...

В ельцинскую эпоху народ валом повалил в восстанавливаемые храмы. Стоят такие люди на службе, переминаются с ноги на ногу, плятятся по сторонам недоумевающе, не ведая, что надо делать.

Отец Василий и вразумляет таких с амвона:

– Не умеете молиться – кладите деньги! Все посильная жертва ваша Господу будет...

ВО СЛАВУ БОЖИЮ!

В алтаре храма в определенные моменты службы священнослужителям разрешается уставом сидеть. Наш игумен, видимо, для пущего смирения этим послаблением пренебрегает: стоит и стоит себе, молится...

Но однажды присел-таки, то ли неважно себя почувствовал, то ли просто устал.

– В кои-то веки! Не иначе, жалованье всем прибавят! – воскликнул кто-то из малоимущих пономарей.

И точно, как по заказу, на другой день – желанная добавка!

Теперь игумена на каждой службе с участливым видом просили пономари присесть, даже мягким стуликом обзавелись и его игумену старательно подставляли...

Тщетны попытки! Не так прост игумен, опять стоит перед престолом Божиим несокрушимо. И еще наставляет жаждущих дополнительного «сребра»:

– Потрудитесь-ка просто, во славу Божию!

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

На дальний приход приехал строгий архиерей, заметил какие-то непорядки.

За трапезой – напряженное молчание.

Местный батюшка, прежде чем вкусить скромных яств, осторожно перекрестил свой рот.

– Зачем вы это делаете? – раздраженно спросил владыка.

– На всякий случай. Чтобы бес не заскочил.

– А может, чтоб не выскочил?

ДЕЛОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Одолели бомжи. С холодами порядочной компанией обосновались в притворе храма, хватают за рукава прихожан, «трясут» милостыню. Настоятель, бедный, не знает, как отбиться от них: иной здоровенный дядя, одетый в шмотки с чужого плеча, куда как «круче» многодетного молодого батюшки, гнусавит протяжно, заступая дорогу:

– Я кушать хочу! Дай!..

Выручает казначей – тетка бывалая, «тертая» жизнью. Храм, хоть и в центре города, но верующим возвращен недавно, обустроиваться в нем только-только начали. Чтоб не застынуть в мороз, поставили печки – временки, привезли и свалили на улице возле стены храма воз дров. Казначей и обращается к бомжам с деловым предложением:

– Берите рукавицы, топоры, и – дрова колоть! Всех потом накормим!.. Ну, кто первый, самый смелый? Ты?

Бомж в ответ мнется, бормочет себе под нос: « Да я работать-то и отвык...» – и бочком, бочком – на улицу!

Следом – остальные. Как ветром всех сдуло!

СОВЕТСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Из трапезной храма подкармливают бомжей. Повариха выносит им на улицу кастрюлю с супом.

Минута – суп проглочен. С пустой посудиною в руках стучится в двери пьяненькая пожилая бомжиха, говорит деловито:

– «Второе», пожалуйста!.. И десерт!

НЕ ЗАЗНАВАЙСЯ!

Настоятель храма из районного городка давненько в областной столице не бывал, даже архиерей успел поменяться.

Надо ехать, братъ благословение у нового.

Приехал, зашел во двор епархиального управления. Видит: автомобиль чинят, из-под него ноги чьи-то торчат. Батюшка был то ли из отставных вояк, то ли из «ментов», церемониться с простым, да тем более с обслуживающим, людом особо не привык:

– Эй ты, водила! – окликнул он ремонтника и даже по подошвам ботинок того легонько попинал. – Не знаешь, новый владыка на месте?

Ремонтник молча и неторопливо выбрался из-под автомобиля и, обтирая тряпкой испачканные маслом свои руки, с нескрываемым любопытством поглядел на вопрошавшего:

– Вообще-то, я не водила, а ваш новый владыка!

Батюшка тут и сел...

СВЯТОЙ

В разгар грозы молния ударила прямо в купол колокольни стоявшей на бугре на отшибе от городка церкви. Вспыхнуло гигантской свечой, даром что и дождь еще не затих.

Пусть и времечко было советское, атеистическое, храм действующий, но народ тушить пожар бросился дружно.

Потом батюшка одарил особо отличившихся мужичков полновесными червонцами с ленинским профилем.

Мужики бригадой двинулись в «казенку», событие такое отпраздновали на полную «катушку». Потом постепенно, по прошествии лет, все бы и забылось, кабы не опоек Коля – в чем только душа держится. Всякий раз, торча в пивнушке на своих, колесом, ногах за столиком, он вспоминал геройский подвиг. И втолковывая молодяжке, что если б не он, то б хана делу, «сгорела б точно церква!», блаженно закатив глаза, крестился заскоружлой щепотью:

– Теперь я святой!..
Так и прозвали его – Коля Святой.

ВТОРАЯ НАТУРА

Длинноносый, в очочках, слегка прощельюватого вида, местного пошиба чинуша Голубок был еще и уполномоченным по делам религии при райисполкоме.

Времена наступили уже «горбачевские», в отличие от своих предшественников, Голубок настоятеля храма в городке не притеснял, поставив себе по воскресным службам скромненько в уголке возле свечного «ящика».

Скоро «необходимость» в уполномоченных вместе с самой властью и вовсе отпала, Голубка вроде б как выперли на пенсию, но в храме он появлялся неизменно и стоял все на том же месте.

«Не иначе, уверовал в Бога!» – решил про него батюшка и даже поздравить его хотел с сем радостным событием.

Но Голубок потупился:

– Я, знаете ли, захожу к вам по привычке.

«Да! – вздохнул обескуражено настоятель. – Что поделаешь, коли вторая натура!»

БЕССРЕБРЕНИКИ

Триня и Костюня – пожилые тюремные сидельцы, и не по одному сроку за их плечами: то кого побили, то чего украли. И тут долго на волюшке ходить, видать, опять не собрались: подзудил их лукавый в ближней деревне церковь «подломить».

Двинулись на «дело» глухой ночью, здоровенным колом приперли дверь избушки, где дрых старик-сторож, оконце махонькое – не выскочит, и, прилагая все нажитые воровские навыки, выворотили четыре старинных замка на воротах храма.

Побродили в гулкой темноте, пошарились с фонариком. В ценностях икон ни тот, ни другой не пентрили и потому их и трогать не стали. Наткнулись на деревянную кассу для пожертвований, раскокали, но и горсти мелочи там не набралось.

– Тю! – присвистнул радостно Триня. – Бросай эту мелочевку, тут в углу целый ящик кагора!..

На задах чьего-то подворья, в сараюшке, устроили налетчики пир. Тут их тепленькими и взяли. Когда их вязали, возмущались они, едва шевеля онемевшими языками:

– Мы че?! Ниче не сперли, верим, так как Кагор и тот выпить не успели.

ПРИСОСЕДИЛИСЬ

На заре Советской власти в моем родном городке тоже предавались всеобщему безумию – переименовывать улицы. Прямо пойдя – Политическая, вбок поверни – Карла Маркса.

Проходя по центральной улице, спросил я у девчонок из местного сельхозколледжа: знают ли, в честь кого улица названа – Розы Люксембург?

Те хихикнули, блеснув белыми зубками:

– Да в честь какой-то международной «прости-господи»!

А уж кто такой по соседству Ласаль, не каждый здешний учитель истории, наверно, ответит.

Эх, погуливали когда-то наши предки по Соборной, назначали свидания на тихой, утопающей в кустах сирени Старомещанской, в воскресный день шли на службу в храм по Никольской!

Отреставрировали у нас недавно часовенку, освятили для верующих, в угловом здании бывшего горсовета открыли воскресную школу. Красивыми такими большими буквами на стене ее название написали.

А чуть выше старая вывеска-указатель: улица Коммунистов.

Присоседились.

Писатель служил диаконом в храме. Дожил и дослужил он до седой бороды; писателем его никто не считал и называл если так – то по-за глаза, ухмыляясь и покручивая пальчиком возле виска.

Мало кто знал, что на дне старинного сундука в отцовском доме лежала толстая стопка исписанных бумажных листов, «семейная сага» – история рода, над которой он в молодости за столом корпел ночами. Все встряхивающие в прошлом веке «родову» события, образы дедов и бабок, дядек и теток, удачливых в жизни или бесшабашных до одури, укладывались помаленьку в главы книги.

Тогда же он, с радостным трепетом поставив последнюю точку, послал рукопись в один из журналов, и оттуда, огорошив, ему ответили, что, дескать, ваши герои серы и никчемны и что от жизни такой проще взять им лопату и самозакопаться. А где образ передового молодого рабочего? Нету?! Ату!!!

Обескураженный автор спрятал рукопись в тот злополучный сундук, втайне все же надеясь, что еще придет ее время...

О своей «саге» диакон, видимо, обмолвился кому-то из иереев, тот – еще кому-то, узнала о ней и одна интеллигентная бабушка-прихожанка, решила помочь. Схватила диакона-писателя за рукав подрясника и потащила к спонсору. Куда ж ныне без них, сердешных, денешься, тем более среди прихожан таковые имелись. А этот, по слухам, еще и из поповичей выходец. В назначенный час диакон и тетка топтались у подъезда особняка-новодела в центре города. Хозяин его, глава фирмы по продаже чистой воды за рубеж, лихо подрулил на иномарке. Ладный такой старичок, спортивного вида, в отутюженном костюмчике;

глаза из-под стеклошлех очков – буравчики. Рукопожатие крепкое.

– Преображенский! – представил-ся он и сказал диакону: – Вы давайте сюда свою рукопись, я ознакомлюсь и решу. Вас, когда понадобится мне, найдут...

Переживал, конечно, писатель несколько томительных дней и ночей, мало ел, плохо спал. Наконец позвонили прямо в храм за свечной «ящик»: Преображенский приглашает.

Он ждал диакона на том же крыльце, вежливо открыл перед ним дверь в офис; охранник-детина, завидев за писателем шефа, вскочил и вытянулся в струнку.

Преображенский провел гостя в свой большущий просторный кабинет с развешенными на стенах полотнами-подлинниками местных художников.

– Вас, наверное, предупредили... – начал он разговор. – А может, и нет. Я был начальником отдела контрразведки одного известного учреждения. Впрочем, ладно, не в этом суть.

«Вот влип!» – подумал про себя диакон и слегка вспотел.

– Откуда вы для своей книги сведения черпали? Героев своих расписывали? Из рассказов родственников, соседей? Да? Но всегда ли эти байки объективны были, не обиду или злобу затаив, сочинял иной гражданин разные «страшилки» про коллективизацию или работу «органов»? Вас-то в это время еще не было на свете!.. У меня самого прадед-священник в двадцатом году во дворе тюрьмы от сердечного приступа преставился, когда на допрос чекисты выкликнули. Но мне это родство потом в жизни помехой не стало...

Преображенский говорил и говорил, не давая бедному писателю и слова втиснуть. Оставалось только тому согласно мычать да глаза пучить.

– Зачем еще одна такая книга, где о советском прошлом так плохо и

ужасно?.. Денег на издание ее я вам не дам... Но не спешите откланиваться! – остановил диакона несостоявшийся спонсор. – У меня есть к вам деловое предложение. А что если вы напишите такую книгу, где коллективизация, «чистки» и все другое было только во благо, во имя высшей цели?! Вот это вас сразу выделит из прочего мутного потока! А я готов платить вам жалование каждый месяц, такое же, как у вас в храме. Подумайте!

Диакон вышел на крыльцо, нашел взглядом маковки церковных куполов невдалеке и, прошептав молитву, перекрестился.

Ничего не стал он писать. А рукопись свою опять спрятал на дно сундука.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Ильич стоит к храму боком, вроде б как с пренебрежением засунув руки в карманы штанов и сбив на затылок кепку. На пьедестале – маленький, в свой натуральный рост, измазан черной краской.

Храм в нескольких десятках метров от статуи, в окружении рощицы из старых деревьев, уцелел чудом на краю площади в центре города. Всегда был заперт на замок, окна закрыты глухими ставнями.

Однажды в его стенах опять затеплилась таинственная, уединенная от прочего мира церковная жизнь...

Но и на пустынной площади возле Ленина разместился аквапарк с качелями-каруселями, надувными батутами, развеселой, грохочущей день-деньской, музыкой. О вожде мирового пролетариата тоже не забыли: как любителю детей, под самый нос ему заворотили ярко раскрашенную громадную качалку. Только дети то ли не полюбили, то ли просто побоялись качаться тут, или благоразумные родители им запретили это. Визжали, дурачились на качалке молодые подвыпившие тетки, а

с лавочек возле постамента, опутанного гирляндой из разноцветных помигивающих лампочек, их задирали тоже «хватившие» лишку молодцы с коротко стриженными, в извилинах шрамов головами и в грязных потных майках, обтягивающих изляпанные синевой наколок тела.

Не думал я, проходя мимо них на службу, что неожиданно-негаданно эта «накачанная» компания, спасаясь от жары или вовсе теряя всякую ориентировку во времени и пространстве, ввалится в храм...

Служили на Троицу литию. Выбрались из зимнего тесного придела в притвор напротив раскрытых врат просторного летнего храма, выстывшего за долгую зиму и теперь наполненного тяжелым влажным воздухом. Из окон под куполом пробиваются солнечные лучи, высвечивают, делая отчетливыми, старинные фрески на стенах. Как на корабле среди бушующего, исходящего страстями людского моря!

Молодцов, пьяно-шумно загомонивших, тут же, зашипев и зашикав, выпроводили обратно за порог бабульки-смотрительницы. Один все-таки, в ярко-красной майке, загорелый до черноты, сумел обогнуть «заслон» и, качаясь из стороны в сторону, пройти в гулкую пустоту летнего храма. Возле самой соли, у царских врат, он бухнулся на коленки и прижался лбом к холодному каменному полу. Старушонки, подскочив, начали тормошить и его, чтобы вывести, но батюшка махнул им рукой: пускай остается!..

Торжественно, отдаваясь эхом под сводами храма, звучали слова прошений ектении, хор временами под-

хватывал стройным печальным многоголосьем: «Господи, помилуй... Господи, помилуй!» В эту симфонию вдруг стали примешиваться какие-то неясные звуки. Мы прислушались. Да это же рыдал тот стриженный в майке! Бился испещренной шрамами головой о край соли, просил, умолял жалился о своей, скорее всего, несурно и непутево сложившейся жизни. Что творилось в душе его, какое скопище грехов рвало и кромсало ее на мелкие кровоточащие части?!

Вот он утих и лежал так ничком на полу до конца службы. Потом бабульки помогли ему подняться и повлекли его к выходу из храма, умиротворенного, притихшего, с мокрым от слез лицом.

А молодой батюшка, вздохнув, сказал:

– Проспится в кустах под Лениным и все свое покаяние забудет. А жаль...

ПО ВРЕМЕНИ

Местный юродивый Толя Рыков сидит на паперти храма, как обычно, лопочет что-то взахлеб. Нет-нет да и проскочит в его речах крепкое словцо.

Солидная дама, выходя из храма и все-таки, видать, собирающаяся пожертвовать Толе копеечку, сожалеющее-брезгливо поджимает подкрашенные губы:

– Какой он у вас блаженный? Вон как матом ругается!

Опрятная старушка рядом отвечает:

– Так это он по топеришному времени...